

Глава 3

Невроз навязчивых состояний у шестилетней девочки¹

В предыдущей главе я описала базовые принципы методики детского психоанализа. В настоящей же главе собираюсь сравнить эту методику с той, что применяется в работе с детьми, вступившими в латентную фазу; при этом для иллюстрации будут описаны конкретные случаи, которые также предоставят мне возможность обсудить некоторые теоретические аспекты относительно основных принципов, а также описать методы, используемые в психоанализе неврозов навязчивых состояний у детей, — методику, которую мне пришлось разработать в процессе терапии в нетипично сложных и интересных случаях.

У шестилетней Эрны был ряд серьезных симптомов. Она страдала бессонницей, которая была отчасти вызвана ее тревожностью (в особенности ее страхами перед грабителями и разбойниками), отчасти — следствием нескольких видов повторяющихся навязчивых действий. Например, она, лежа на животе, билась головой о подушку или раскачивалась, сидя или лежа на спине; навязчиво сосала большой палец или навязчиво мастурбировала. Все такие навязчивые действия, затруднявшие ее отход ко сну, имели место также и в дневное время. Из этого ряда особо выделяется мастурбация, которой она занималась даже в присутствии чужих людей — например, почти всегда находясь в детском саду. Она страдала от сильной депрессии, которую описывала словами: «Что-то в жизни мне не нравится». Она была излишне эмоциональна и нежна со своей матерью, но время от времени вдруг начинала относиться к ней весьма враждебно. Она полностью доминировала над матерью, фактически лишив ее свободы передвижения, и изводила ее своими любовью и ненавистью. Ее мать мне говорила: «Она полностью съедает меня». Ребенка можно было также описать достаточно точно словом «необучаемый». Навязчивая задумчивость и необычайно недетская натура отражались в стра-

¹ Эта глава основана на докладе, прочитанном мной в октябре 1924 года в Вюрцбурге, на Первой конференции Немецкого психоаналитического общества.

дальческом виде, который доминировал на лице этой маленькой девочки. Помимо всего, она оставляла странное впечатление о некотором преждевременно начавшемся у нее сексуальном развитии. Очевидным симптомом, первым делом бросавшимся в глаза в самом начале психоанализа Эрны, была ее жесточайшая заторможенность при обучении. Она пошла в школу через несколько месяцев после того, как начался ее психоанализ, и очень скоро стало ясно, что она оказалась неспособна и к учебе, и к тому, чтобы поладить с одноклассниками. Но тот факт, что она сама чувствовала себя больной — в самом начале моей терапии она попросила мне помочь ей, — сослужил огромную службу и облегчил мне ее анализ.

Эрна начала игру с того, что взяла маленькую повозку, стоявшую на столике вместе с другими игрушками, и покатила ее по направлению ко мне. Она заявила, что приехала, чтобы забрать меня. Но вместо этого положила в эту повозку кукольную женщину, а потом — туда же — кукольного человечка. Затем эта пара любила друг друга, целовалась, постоянно ездила туда-сюда. А после другой человечек, сидевший в другой машинке, столкнулся с ними, переехал, убил, а затем поджарил и съел. В другой раз подобное столкновение закончилось по-иному — нападавший был опрокинут, но кукольная женщина помогла ему и утешила. Она развелась со своим первым мужем и вышла замуж за нового. Вот такому третьему лицу в играх Эрны давалось множество различных ролей. Например, первый мужчина и его жена были в доме и защищали его от грабителей; разбойник был третьим лицом, проникшим в дом. В результате дом оказался сожженным, муж и жена — разломанными, остался только этот третий. В еще одной игре третий был братом, пришедшим в гости, но, обнимая женщину, он откусил у нее нос. Этот человечек, третье лицо, был самой Эрной. В целой серии похожих друг на друга игр она ясно выразила свое желание вытеснить своего отца с того положения, которое он занимал рядом с ее матерью. С другой стороны, во многих других играх она прямо выказывала свое связанное с эдиповым комплексом желание избавиться от своей матери и завоевать своего отца. Например, она заставляла учителя учить детей играть на скрипке, ударяя его этой скрипкой по голове¹, или стоять на голове, читая книгу. Затем она делала так, что он отбрасывал книгу или скрипку — в зависимости от конкретной игры — и начинал танцевать со своей игрушечной ученицей. Затем эти двое целовались и обнимались. А вот

¹ А вот еще одна игра, наглядно показывающая, что в бессознательном Эрны голова символизировала пенис: кукольный человечек хочет сесть в машинку и стучится головой в ее окно, после чего машинка говорит ему: «Лучше просто забирайся внутрь!» Машинка обозначала ее мать, приглашающую отца к половому акту с собой. (Сравните это с ее навязчивым желанием биться головой о подушку.)

тут Эрна вдруг ни с того ни с сего спросила меня, разрешила бы я учителю жениться на ученице. В другой раз учитель и учительница — то есть кукольные мужчина и женщина — учат детей хорошим манерам, как кланяться, делать реверансы и т. п. Поначалу дети ведут себя послушно и вежливо (точно так же, как сама Эрна старалась всегда быть хорошей девочкой и вести себя тоже хорошо), а потом внезапно нападают на учителя и учительницу, растаптывают, убивают и зажаривают их. Они превратились в дьяволов, злорадствующих при виде мук, претерпеваемых своими жертвами. Но потом учитель и учительница оказывались на небесах, а бывшие дьяволы оборачивались ангелами, которые, по словам Эрны, ничего не знали о том, что когда-то они были дьяволами — в самом деле «они никогда *не были* дьяволами». Бог-отец, бывший учитель, начинал страстно обнимать и целовать женщину, ангелы поклонялись им, и все опять становилось очень хорошо, но только на короткое время, потому что вскоре баланс будет тем или иным способом снова нарушен.

Эрна очень часто в игре брала на себя роль матери. Я должна была быть ребенком, при этом одним из самых больших моих проступков было сосание пальцев. Первым предметом, который мне следовало положить себе в рот, был паровозик. Она уже и до этого была в восторге от его позолоченных фонарей, говоря: «Они такие красивые, красные, горящие», а сейчас засунула их себе в рот и принялась сосать. Они для нее изображали грудь ее матери и пенис отца. Эти игры без исключений выливались в приступы гнева, зависти и агрессии, направленные против ее матери, переходившие в раскаяние и попытки помириться с ней. Например, играя со мной в кубики, она делила их между нами так, чтобы ей доставалось больше, чем мне; затем, компенсируя это неравенство, она брала себе меньше, чем давала мне, но при этом у нее все равно, в конце концов, оказывалось их больше. Она просила меня построить что-нибудь из моих кубиков, но только для того, чтобы доказать мне, что построенный ею дом значительно более красив, чем мой, или, вроде как случайно, разрушить мой дом вообще. Иногда она призывала игрушечного человечка сыграть роль арбитра, который должен был вынести вердикт, что ее дом лучше, чем мой. Детали этих игр достаточно ясно показывали, что она в них (в сравнении построенных нами домиков. — *Примеч. пер.*) давала выход давно возникшему у нее чувству соперничества со своей матерью, которое в дальнейших фазах ее психоанализа находит более прямое выражение.

Помимо описанных игр она также стала вырезать из бумаги различные узоры. Делая это, она сказала мне, что таким образом делает «фарш» и что из бумаги идет кровь, после чего сильно вздрогнула и заявила, что внезапно заболела. Однажды она заговорила о «глазном салате», а в другой раз — о том,

что вырезает внутри моего носа «бахрому». Этим она повторяет свое желание откусить мой нос, высказанное в самом начале первого часа моей работы с ней. (И на самом деле она предприняла несколько попыток осуществить это свое желание.) Таким образом она показала, что идентифицирует себя с «третьим лицом», игрушечным человеком, который врывается в дом, поджигает его и откусывает нос у женщины. Из психоанализа Эрны, как и из работы с другими детьми, вытекает, что игра в вырезание из бумаги может означать очень разные вещи. Она дает выход садистическим и каннибалистическим импульсам, но одновременно отражает реактивные тенденции, так как является и креативным действием. Красиво вырезанные узоры, например то, что должно быть скатертью, символизировали гениталии ее родителей или тело ее матери, возрожденные после того, как до этого они в ее воображении были разрушены.

От вырезания из бумаги Эрна перешла к играм с водой. Небольшой кусочек бумаги, плавающий в раковине, был капитаном затонувшего корабля. Ему удалось спастись, так как — по заявлению Эрны — у него было нечто «длинное и золотое», что позволяло ему удерживаться на поверхности воды. Затем она оторвала ему голову и провозгласила: «Он лишился головы; теперь он утонул». Эти игры с водой привели к необходимости глубокого анализа ее садистических фантазий орального, уретрального и анального направлений. Так, например, она играла в прачку и использовала кусочки бумаги, которые означали обкаканное детское постельное белье. Я должна была быть ребенком, который обкакивает свое нижнее белье снова и снова. (Кстати, Эрна явно выразила свои копрофильные и каннибалистические импульсы тем, что жевала кусочки бумаги, которые должны были означать и экскременты, и детей, и обкаканные простыни.) Представляя себя прачкой, Эрна также использовала множество возможностей унизить и наказать ребенка, играя роль суровой матери. Но одновременно идентифицируя себя с ребенком, подвергающимся издевательствам, она в то же время удовлетворяла и свои мазохистские желания. Она часто воображала, что мать заставляет отца наказывать ребенка и шлепать его по попе. Эрна рекомендовала наказывать ребенка таким образом для того, чтобы отучить его от привычки делать в кровать. Однажды вместо отца появляется волшебник. Он бьет ребенка своим посохом по анусу, а затем по голове, после чего из его волшебной палочки выливается желтоватая жидкость. В еще одном случае ребенок — на этот раз совсем маленький — должен принять какой-то порошок, который был чем-то перемешанным «красно-белым». Такое лечение сделало ребенка чистым, он внезапно обрел способность говорить и стал таким же умным, как и его

мама¹. Волшебник символизировал пенис, а удар посохом — коитус. Жидкость и порошок символизировали мочу, экскременты, сперму и кровь, которые, согласно фантазиям Эрны, ее мать вводила внутрь себя при половом акте через свой рот, анус и гениталии.

В другой раз Эрна внезапно превратилась из прачки в торговку рыбой, которая нахваливает свой товар. В процессе этой игры она открыла водопроводный кран (который она называла «кран для взбитых сливок»), после того как обернула его бумагой. Когда эта бумага полностью намочила и упала в раковину, Эрна разорвала ее на части и стала продавать как рыбу. Та компульсивная жадность, с которой Эрна пила из крана во время этой игры и жевала воображаемую рыбу, очень отчетливо указывала на оральную зависть, которую девочка чувствовала во время первичной сцены и вытекавших из нее фантазий. Эта зависть оказала очень глубокое влияние на формирование ее характера и также была центральным моментом ее невроза². Приравнение рыбы к пенису ее отца, а также фекалий — к детям стало очевидным из ее ассоциаций. У Эрны было выставлено на продажу много видов рыбы, в частности «рыба-кокель», или, как она неожиданно ее назвала, «рыба-какель»³. В то время, когда она резала эту рыбу, она вдруг захотела какать, и это еще раз показало, что рыба для нее была равнозначна фекалиям, а резать рыбу соответствовало акту испражнения. Будучи торговкой рыбой, Эрна разными способами старалась обмануть меня — своего покупателя. Она получала от меня много денег, но не давала взамен рыбы. Я ничего не могла сделать, потому что ей помогал полицейский; вместе они «взбивали»⁴ деньги, обозначавшие также и рыбу и полученные ею от меня. Этот полицейский символизировал ее отца, с которым она совершала коитус и который был ее союзником против матери. Моя роль в игре заключалась в том, что я должна была смотреть, как она «взбивала» рыбу с полицейским, а потом — тайным образом вернуть эту рыбу. Фактически я должна была изображать, как делаю то, что она сама хотела бы сделать по отношению к своей матери, когда была свидетельницей полового акта между родителями. Эти садистские импульсы и фантазии ле-

¹ В этих фантазиях пенис представляется «хорошим», лечащим объектом. В главах 11 и 12 я буду обсуждать эти моменты более подробно.

² Я еще буду обсуждать далее связь между сценами полового акта родителей Эрны, которым она была свидетельницей, и ее неврозом.

³ Примечание английского переводчика: «каки» — это фекалии на языке немецких детских нянь.

⁴ В оригинальном немецком тексте в данном месте стоит непереводаемая игра слов, которые по своему звучанию напоминают немецкое слово, означающее «взбитые сливки». — *Примеч. пер.*

жали в основе ее сильного страха, который она испытывала по отношению к матери. Она снова и снова выражала свою острую боязнь «грабительницы», которая хочет «вынуть все ее внутренности».

Анализ всех этих театральных представлений Эрны показал, что они символизировали половой акт между ее родителями¹. Многочисленные сцены, в которых Эрна представляла свою мать актрисой или танцовщицей, которой восторгаются зрители, указывали на огромное восхищение — смешанное с завистью, — которое она испытывала по отношению к матери. Кроме того, часто при идентификации себя с матерью она изображала королеву, которой все кланяются. Во всех этих представлениях худшая участь доставалась именно ребенку. Все, что Эрна делала в роли своей матери — нежность, которую она испытывала к своему мужу, то, как она одевалась, как позволяла восхищаться собой, — имело одну цель: вызвать в ребенке чувство зависти и ранить его чувства. Так, например, играя королеву, она праздновала свадьбу с королем, а затем ложилась на диван и требовала, чтобы я, в качестве короля, легла рядом. Поскольку я отказывалась это делать, я должна была сидеть на маленьком стуле сбоку от нее и бить по дивану кулаком. Она называла это «взбиванием», и оно означало половой акт. Сразу же после этого она заявила, что из нее выползает ребенок, и разыгрывала весьма реалистичную сцену, корчась от боли и издавая стоны. Ее воображаемый ребенок впоследствии делил спальню со своими родителями и вынужден был быть свидетелем интимных отношений между ними. Если он мешал им, то они его били, а мать постоянно жаловалась на него отцу. Когда она в роли матери укладывала ребенка в кровать, она делала это только для того, чтобы избавиться от него и поскорее вернуться к отцу. Ребенка все время мучили и плохо обращались с ним. Его заставляли есть манную кашу, которая была настолько противна, что его тошнило от нее, в то время как его отец и мать наслаждались прекрасными кушаньями из взбитых сливок или из какого-то особого молока, приготовленного «доктором Взливом», в имени которого соединялись слова «взбивать» и «наливать»². Эта изысканная еда, которую могли есть только

¹ В моей работе «Early Analysis» (1923) (оригинальное название — «Zur Frühanalyse». — *Примеч. пер.*) я в деталях рассмотрела универсальную символическую важность театра, спектаклей, постановок и т. п. как действий, выражающих отношения (по большей части половые. — *Примеч. пер.*) между родителями. Мне также хочется сослаться на работу Ранка «Das Schauspiel im Hamlet» (1919).

² Делается попытка передать по-русски оригинальные «Doktor Schanka» или «Schlanka» — по-детски исковерканные производные от немецких слов «Schlagen» («бить», «взбивать») и «Einschenken» («наливать»). В английских изданиях это передается словами «Dr Whippo» или «Whippoug» — от «whipping» и «pouring out». — *Примеч. пер.*

отец и мать, повторялась в бесконечных вариациях, обозначая обмен субстанциями при коитусе. Фантазии Эрны на тему того, что во время соития ее мать принимает в себя пенис и семя ее отца, а он — грудь и молоко ее матери, послужили основой возникновения у нее чувств ненависти и зависти по отношению к обоим родителям.

В одной из следующих игр Эрны «представление давал священник», который открывал водопроводный кран, а его партнерша по представлению — танцовщица — пила из этого крана. Ребенку, которого она называет «золушкой», позволяет только смотреть на это, оставаясь в абсолютной тишине и спокойствии. А последовавший в этот момент взрыв сильного гнева со стороны Эрны показал, какими чувствами ненависти сопровождалась ее фантазия и насколько плохо она могла справляться с такими чувствами, из-за которых ее отношение к своей матери оказалось полностью искаженным: Эрна воспринимала все шаги, направленные на ее воспитание, на уход и заботу о ней, все неизбежные отказы (удовлетворить детские желания. — *Примеч. пер.*) и связанные с этим фрустрации как чисто садистические действия со стороны своей матери, направленные на ее уничтожение и жестокое обращение.

Тем не менее в своей игре в дочки-матери Эрна, выступая в роли матери, проявляла любовь к своему воображаемому ребенку, так как он был для нее только младенцем. Она ухаживала за ним, мыла его, была с ним нежна и даже прощала его, когда тот обдeldывался. Это происходило потому, что в ее воображении она сама устаивалась подобного к себе отношения только тогда, когда была еще совсем младенцем. К своему уже несколько подростку «ребенку» она относится предельно жестоко, воображает, что его разнообразнейшими способами истязают дьяволы, и часто в конце концов убивает его¹. О том, что ребенок в этой роли, однако, был еще и матерью, превратившейся в ребенка, ясно свидетельствовала следующая фантазия. Эрна играла в то, что она является обделавшимся ребенком, а я — играя роль матери — должна

¹ В тех случаях, когда гнев и ярость ребенка, направленные на какой-то объект (как в данном случае на свое воображаемое дитя), становятся очевидно чрезмерными, имеет место ситуация, когда супер-эго выступает против ид. Эго выходит из этой непереносимой для него ситуации с помощью проекции. Оно выставляет (внешний. — *Примеч. пер.*) объект в качестве врага для того, чтобы ид могло бы его уничтожить садистским образом при одобрении супер-эго. Если эго удастся добиться подобного «союза» супер-эго и ид, оно может временно перенаправить присущий супер-эго садизм, первоначально нацеленный на ид, на внешний мир. Таким образом, первичные садистические импульсы, направленные на внешний объект, усиливаются ненавистью, ранее имевшей целью ид (см. главу 8, а также мою работу «Персонификация в детской игре», 1929 год (эта работа под названием «Die Rollenbildung im Kinderspiel» была первоначально опубликована в журнале «Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse» Bd. XV, 1929. — *Примеч. пер.*).

была отругать ее, после чего она становилась издевательски презрительной и из чувства открытого неповиновения обделывалась все больше и больше. Для того чтобы еще больше досадить матери, она изобразила, что ее стошнило от отвратительной пищи, которую я ранее дала ей. Затем мать позвала отца, но он принял сторону ребенка. Затем мать настигла болезнь под названием «Бог поговорил с ней»¹; после этого ребенок тоже заболевает болезнью «материнское возбуждение»² и умирает от нее, а отец в отместку за это убивает мать. Затем девочка-ребенок воскресает и выходит замуж за отца, который все время хвалит ее, противопоставляя матери. Затем мать тоже воскресает, но, в качестве наказания, взмахом волшебной палочки отца превращается в ребенка; теперь мать, ставшая ребенком, вынуждена терпеть все унижения и дурное обращение с собой — все то, что сам ребенок переносил ранее. В своих многочисленных фантазиях такого рода насчет матери и ребенка Эрна повторяла все то, что она считала своими собственными переживаниями, а с другой стороны, она выражала те садистические желания, то, что она хотела бы делать со своей матерью, если бы роли в паре ребенок — мать поменялись местами.

В психической жизни Эрны доминировали анально-садистские фантазии. На одной из дальнейших стадий ее психоанализа Эрна выказала еще одну фантазию, связанную с ее игрой с водой, в которой фекалии, «запеченные» на одежде, используются в процессе готовки еды. Она снова играла в игру, при которой, сидя в туалете, «ела» то, что таким образом производит, а также в то, что мы обмениваемся этой «едой». Чем дольше продолжались наши аналитические сеансы, тем все более четко и ясно проявлялись ее фантазии о том, что мы постоянно «пачкаем» друг друга мочой и фекалиями. В другой игре она показывала, что ее мать снова и снова обделывалась и что по вине матери все-все в комнате превращается в какашки. За это мать бросают в тюрьму, и она там голодает. А сама Эрна вынуждена заниматься уборкой за матью, в связи с чем назвала себя фрау «Грязный Парад»³, потому что устраивала шествие с грязью. За свою любовь к порядку и опрятности она завоевала восхищение и признание со стороны своего отца, который ставил ее гораздо выше матери и женился на ней. Потом она стряпала для него. Напитки

¹ В оригиналах эта «болезнь» звучит так: «God has spoken to her» или «Gott hat zu ihr gesprochen». — *Примеч. пер.*

² В оригиналах эта «болезнь» звучит так: «mother's agitation» или «mütterliche Aufregung». — *Примеч. пер.*

³ Оригинал (Frau «Dreckparadie») можно также перевести как «госпожа „Грязный рай”», так как слово «Paradie» могло происходить и от «Paradis» (рай), и от «Parade» (парад). — *Примеч. пер.*

и еда, которые они потом давали друг другу, опять были мочой и фекалиями, но на этот раз «хорошими», «правильными», а не «вредными», как раньше. Я привожу эту фантазию в качестве примера многих других экстравагантных анальных фантазий, которые доминировали в душевной жизни Эрны и были выявлены при анализе.

Воображение Эрны, которая была единственным ребенком в семье, было в очень большой степени занято представлениями о появлении у нее брата или сестры. Ее фантазии в этом контексте заслуживали особого внимания, поскольку, по моим наблюдениям, они также имели более общее значение. Отталкиваясь от них, а также от переживаний других детей, находившихся в похожей ситуации, можно предположить, что ребенок, являющийся единственным (в семье. — *Примеч. пер.*), в существенно большей степени, чем другие дети, страдает от тревоги, связанной со своими братом и сестрой, появления которых он вечно ждет, и от чувства вины перед ними за свои бессознательные агрессивные по отношению к ним — предположительно живущим в теле его матери — импульсы, потому что не в состоянии выстроить какие-либо позитивные отношения с ними в реальности. Этот момент часто может усложнить социальную адаптацию такого единственного ребенка. В течение долгого времени у Эрны в самых начале и конце наших с ней аналитических сессий случались приступы гнева и тревоги, отчасти вызванные и усиленные тем, что она встречалась с детьми, которые приходили ко мне либо до, либо сразу после нее и символизировали для нее брата или сестру, чье появление она все время ожидала¹. С другой стороны, несмотря на то что она, как правило, не ладила с другими детьми, иногда она чувствовала большую потребность в их обществе. Ее эпизодически возникавшие желания иметь брата или сестру, как я выяснила, определялись несколькими мотивами. (1) Братья и сестры, которых она желала, означали для нее ее собственного ребенка. Однако это желание очень скоро и серьезно вошло в противоречие с сильным чувством вины, так как оно означало, что она украла ребенка у своей матери. (2) Их существование должно было уверить ее в том, что ее воображаемые нападения на детей, которые — как она представляла себе — были внутри ее матери, не нанесли никакого вреда ни им, ни ее матери, а значит, и все то, что находится внутри ее собственного тела, остается невредимым. (3) Они должны дать ей сексуальное удовлетворение, в котором ей отказывают ее отец

¹ Так как в реальной жизни у Эрны не было ни брата, ни сестры, ее неосознанные (или бессознательные?) страхи перед ними и ревность к ним, которые играли такую важную роль в ее психике, были выявлены и «проиграны» только в процессе анализа. Это является еще одним примером важности (понимания. — *Примеч. пер.*) ситуации переноса в психоанализе ребенка.